

3. Перцев А.В. Эрнст Мах: штрихи к портрету австрийского позитивиста // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2012. № 1. С. 137–142.
4. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред.: Л.И. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М., 1983.
5. Garfinkel S.L. Radio Research, McCarthyism and Paul F. Lazarsfeld. Bachelor of Science Thesis. Massachusetts Institute of Technology, 1987.
6. Katz E. Paul F. Lazarsfeld. Personal Influence. NY., 1955.
7. Lazarsfeld P. The effects of radio on public opinion. NY, 1940.
8. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The people's choice. How the voter makes up his mind in a presidential campaign. NY., 1948.
9. Sills D.L. Paul F. Lazarsfeld 1901–1976 // Biographical Memoirs National Academy of Sciences. Vol. 56. Washington D.C., 1987. Pp. 251–276.

Д.С. Шевский

Причины распада СССР сквозь призму теории систем

Статья описывает некоторые теоретические подходы к логике исторического развития СССР. Автор пытается адаптировать постмодернистский подход к нуждам номотетического (построенного на признании законов развития). Главным понятием работы является концепт институционализирующего дискурса, который был отождествлен с самописанием политической системы Н. Лумана. Коллапс СССР стал возможен в результате смены М.С. Горбачёвым институционализирующего дискурса, что показано сравнением его существенных характеристик в СССР до 1987 г. и после. Такие важные характеристики советского дискурса, как однопартийность, вера в необходимость революции 1917 г. и конфронтация с капиталистическими странами, были изменены, и система не могла больше функционировать в прежнем виде. Смена самоописания определила линии раскола, по которым начался конфликт элит, который, в свою очередь, ускорил делегитимацию самого режима. Таким образом, статья очерчивает внешнее поле и условия, которые дали возможность деструктивным силам привести СССР к коллапсу.

Ключевые слова: распад СССР, теория систем, самописание политической системы, институционализирующий дискурс.

Распад СССР – одна из самых волнующих тем современной отечественной науки. Почему он распался? Ждет ли современную Россию судьба СССР? Возможно ли было избежать его распада? На такие вопросы невозможно ответить, используя только исторические факты, расставив их в хронологической последовательности. Нужно очертить каузальные связи и, в первую очередь, поставить правильно вопрос, используя историческую перспективу.

Траекторию послесталинского СССР можно описать как перманентный поиск увеличения эффективности системы. Возможно, первая веха – это провалившаяся попытка реформ Н.С. Хрущёва в начале 1960-х гг., когда было произведено разделение обкомов и была предложена ротация кадров, второй период – это реформы А.Н. Косыгина, когда была реализована попытка ослабления политического контроля над экономикой, которая также не увенчалась успехом, возможно, по внешнеэкономическим причинам [25]. Третьим вариантом решения стало то, что Г. Дерлугьян назвал «консервативной стабилизацией» при Л.И. Брежнев, – сохранение статус-кво при постепенном увеличении неопатримониальных отношений [11]. Следующими попытками стали административные реформы, которые можно датировать 1984–1987 гг., это курс Ю.В. Андропова – М.С. Горбачёва [34], результаты которых еще не осмыслены в достаточной степени в существующей литературе. Последней попыткой увеличения эффективности управления (и, отчасти, самого управленческого аппарата через создание института Съезда народных депутатов) стала «Перестройка», приведшая к распаду СССР. Возникает главный вопрос – почему предыдущие попытки реформирования или отказ от реформирования (при Брежнев) не привели к крушению самой системы, а перестройка привела?

Для ответа на этот вопрос рассмотрим распад СССР в обратной перспективе. Когда были подписаны Беловежские соглашения в 1991 г., существовавшая союзная власть была полностью делегитимизирована. Делегитимацию вызывает множество факторов, главным из которых является относительная депривация – «обманутые ожидания» [38]. Но процесс, наблюдавшийся в Советском Союзе, имел свои особенности. В первую очередь, стоит отметить, что СССР был режимом однопартийным (а такие режимы, как известно, одни из самых стабильных среди недемократических [39, p. 133, table 1]). Более того, можно говорить о том, что режимы, созданные одновременно с приходом к власти одной партии, оказываются наиболее продолжительными, однако стабильность таких государств очень уязвима при внутрипартийном соперничестве [29, с. 13]. Это очень логично: легитимность власти в однопартийных режимах строится на единстве идей и целей,

а раскол в авторитарных режимах делегитимизирует существующую власть. Здесь же можно отметить еще одну особенность СССР – его многонациональность. И, помимо раскола по идеологическим соображениям (о чем будет сказано ниже), раскол союзных элит прошел также и по линии национальностей, ведь «многонациональные государства, созданные недемократическим путем, как правило, не в состоянии пережить собственную демократизацию» [17, с. 276]. Соответственно, в СССР нарастанию делегитимации способствовал, помимо относительной депривации, и раскол элит.

Современная гуманитарная наука имеет мощный бэкграунд для анализа и понимания распада государств. Вершиной теоретического осмысления, на наш взгляд, является макросоциология. «Историческая макросоциология – междисциплинарная область исследований, в которой посредством объективных методов социальных наук изучаются механизмы и закономерности крупных и долговременных исторических процессов и явлений, таких как происхождение, динамика, трансформации, взаимодействие, гибель обществ, государств, мировых систем и цивилизаций» [23].

Но для начала рассмотрим «традиционные» подходы к анализу причин распада СССР.

Всю ныне существующую историографию можно разделить на «идеографическую» и «нотетическую». Первая – «описательная», наиболее традиционная для исторической науки. События исследуются в их причинной и/или хронологической последовательности, сравнительный материал используется минимально или вовсе не используется. В данном подходе превалирует отказ от попыток делать универсальные теоретические выводы, чаще даже сама их возможность категорически отрицается. Второй подход, соответственно, стоит в некоторой оппозиции к первому, он стремится найти законы исторического развития, привлекая широкий сравнительный материал, не скатываясь при этом в механицизм. Основная цель такого подхода – выявить не «особенное» в историческом событии, а общее.

Монографий и тематических сборников опубликовано множество, и поэтому можно составить более-менее целостное представление о причинах крушения СССР¹. Но давая оценку этим работам, стоит отметить, что дискуссии остаются теми же, что возникли сразу после распада Советского Союза. Например, американский советолог А. Даллин еще в 1992 г. составил перечень причин, которые, на его взгляд,

¹ Более полный разбор отечественной историографии, посвященной данному вопросу, см. в статье А. Вдовина [7].

привели СССР к краху. Он выделяет следующие: потерю контроля над управлением, распространение коррупции, эрозию идеологии, изменение ценностей в результате социальных изменений, усиление внешнего влияния, последствия экономических ограничений [37, р. 282]. Эти темы обсуждаются и в последующей историографии распада СССР [см., например: 2; 3; 9; 27 и др.]. Но, считает автор, всего этого было недостаточно, пока к власти не пришел Горбачёв и не отменил политическую монополию КПСС [37, р. 297]. Данная трактовка также активно разрабатывается в историографии [30 и др.]. А. Даллин, пожалуй, четко не сформулировал только еще один фактор, который станет очень популярен у ученых, – национализм в СССР [19; 31 и др.]

Такие работы имеют значимость большей частью только в исторической науке, они не стремятся к формализации и теоретизации, становясь малоприменимыми в иных социогуманитарных науках. Есть и другой лагерь ученых, строящих понимание исторического процесса, и СССР, в частности, на более широкой сравнительной базе. Подходы, которые применимы к пониманию феномена СССР, можно условно разделить на следующие.

1. Попытки вписать социально-политический строй СССР в историю схожих политических организаций в предшествующий период [1; 4; 8; 26; 32 и др.]. Данный подход предлагает считать СССР схожим по своей структуре с государствами Древнего Востока или с американскими доколумбовыми цивилизациями (в различных вариациях, будь то азиатский, государственный или политарный способ производства, или же социалистический).

2. Классификации СССР по типу политического режима [35; 39–41; 44 и др.]. В первую очередь, это идея о том, что режим в СССР является однопартийным, с вытекающими отсюда ранее упомянутыми закономерностями его развития.

3. Классификация по типу политического устройства [42; 46 и др.]. Здесь авторы предлагают считать СССР империей и рассматривать логику его развития в рамках общей эволюции имперского устройства.

4. Подходы, интегрирующие социальное, экономическое и политическое измерения, свойственные макросоциологии² [13; 18; 20; 43; 45 и др.]. Авторы данного подхода сосредотачивают свое внимание либо на экономике в различных ее аспектах, например, на фискальном кризисе, снижении отдачи ресурсов; либо на политике, геополитике как главнейшем двигателе исторической динамики, или же во главу угла ставится возможность классовых коалиций, определяющая различные

² Более подробный обзор достижений макросоциологии см., например, [14; 15; 23].

исходы. Все это, безусловно, важно, но, на наш взгляд, не в должной мере комплексно.

Вернемся к главному вопросу: что Горбачёв нарушил в системе, тем самым приведя ее к краху? Экономический строй? Но ученые так и не смогли определиться, когда начался кризис, почему и т.д. Политические реформы? Но они были характерны и для предыдущих этапов, однако были успешно и без значительных последствий свернуты. А про социальные отношения можно сказать словами П. Андерсона: «Классовая борьба, в конце концов, разрешается на политическом – а не экономическом или культурном – уровне обществ» [цит. по: 11, с. 488]. Круг замкнулся. Всё играло свою роль в распаде СССР, но главным остается вопрос – почему система не смогла с этим справиться?

Макросоциология, делая упор на эмпирические факты, упускает, на наш взгляд, еще одно важное измерение социальной реальности – дискурс. Данное понятие используется здесь в значении словесного описания существующего социального порядка. Дискурс уже рассматривался в макросоциологии, но через интеракции, коммуникативные сети: будь то габитусы П. Бурдьё, фреймы И. Гофмана или же роли Т. Парсонса. Эти подходы органично вплетаются в макросоциологические исследования [11; 24], позволяя найти связующее звено между отдельными личностями и социальными структурами. Но после работ поздних структуралистов [28] и постмодернистов [5] стало очевидно, что дискурс сам по себе является отдельной проблемой и он достоин изучения не только через опосредованные элементы социальных структур, т.к. сам способен создавать новую социальную действительность.

Здесь важно сделать примечание. Традиционно структуры считают некими константами, а дискурс изменчивым. Есть два пути решения проблемы: например, вслед за Ж. Бодрийяром радостно объявить структуры явлением прошлого [Там же, с. 46] либо же найти взаимосвязь структур и дискурса. Оставим экстатический нигилизм в стороне и обратимся к конструктивным теориям. Такой подход представлен в работах немецкого социолога Н. Лумана. Суть его заключается в том, что одним из главнейших составляющих в воспроизводстве системы является самописание, которое реализуется через коммуникацию, которая, в свою очередь, конституирует систему и обеспечивает ее воспроизводство через новую коммуникацию [16, с. 80, 270–271]. Система строится посредством различения между собой и окружающим миром, именно поэтому самописание есть необходимое условие существования системы [Там же, с. 78]. В нашем понимании самописание (политической системы) тождественно дискурсу (политической системы) и, учитывая множественность систем в рамках более общей системы

(мир-система – Организация Варшавского Договора – СССР – РСФСР и т.д.), вполне корректно говорить о множественности разновысоких дискурсов³. Так, оказывается, что структуры, понимаемые как потенции, создаются дискурсом, а потом сами же его и воспроизводят.

Как это конкретно работает при анализе распада СССР? Прежде всего, стоит рассмотреть всю траекторию СССР. Весь политический дискурс (самоописание) в Советском Союзе строился на «Событии-Истине 1917 года» [12, с. 118]. Все последующее развитие СССР представляло собой, по крайней мере на уровне идеологии, верность данному событию (выражаясь языком философа А. Бадью). Сама идеология революции определила структуру системы СССР. Она строилась на догме, а именно – на харизме разума [36, р. 279], которая была деперсонализирована⁴. Данный термин М. Вебер использовал для описания Французской революции 1789 г., дав характеристику «харизматического господства» не отдельной личности, а абстрактной идее «культулы Разума» (в данном случае – коммунизму).

Как и любая харизма, харизма разума подверглась рутинизации⁵, представив собой в СССР незавершенную рационализацию управления [Там же, р. 284]. Вебер подчеркивал, что для успешной рационализации необходима система самонаблюдения: «Политика может и должна обеспечить противовес доминированию бюрократии» [цит. по: 36, р. 285]. Луман также подчеркивал, что политика – это наблюдение наблюдателя [16, с. 166], т.е. система для эффективного действия должна иметь точные представления о настроениях масс посредством опросов, выборов и т.д. В СССР такая «система наблюдения» была редуцирована, например, из-за малой значительности выборов политических лидеров, неразвитой системы представительских органов и т.д.

Вышеуказанное состояние дел было вызвано существовавшим институционализирующим дискурсом (т.е. самоописанием и обоснованием существующих институтов) – данная система самонаблюдения не вписывалась в контекст мессианской идеологии СССР. Такая идеология допускала вероятность, что некоторые могут заблуждаться и сопротивляться «исторической необходимости», а потому партия имела больше

³ Возможная разница между дискурсом и самоописанием, помимо того, что первый термин – философский, а второй – социологический, состоит в том, что дискурс в постмодернистской философии большей частью создает новую реальность и воспроизводит ее, в то время, как самоописание у Лумана реальность конституирует.

⁴ Дерлугьян предлагает собственное название – харизматическая бюрократия [11, с. 178].

⁵ Рутинизация харизмы – это процесс перехода от неформальных практик управления к стандартизированным, которые становятся институционализированными и бюрократизированными.

представлений о «должном». Исходя из этой же логики и апеллируя к «Событию-Истине 1917 года», в марте 1921 г. на X съезде ВКП(б) была принята резолюция о единстве партии (ср. с ранее упомянутой монолитностью однопартийного режима).

Данный институционализирующий дискурс определил плановость экономического производства и сделал его частью политической системы. Такое «государственное бытие» сформировало желание основной части экономической элиты⁶ иметь больше гарантий владения собственностью и желание, часто нерелексируемое, перехода прав собственности от государства к личностям [33, с. 26].

Проводившаяся в стране рационализация, искавшая свое вдохновение в «харизме разума», предопределила косность системы из-за замедления темпов институциональной дифференциации, т.е. все сферы деятельности были подчинены политической элите (КПСС) [10].

Ни хрущевское разделение обкомов и попытка ввести ротацию кадров, ни даже косыгинские реформы не затрагивали фундамент политической структуры, а при Горбачёве, благодаря смене дискурса, произошли коренные изменения всей системы.

В первую очередь, используя термины системной теории Лумана, Горбачёв решил улучшить «систему самонаблюдения» системы посредством гласности. Свобода слова привела к тому, что была поставлена под вопрос легитимность структурирующего дискурса и самой институциональной организации. Например, статья А.С. Ципко «Истоки сталинизма», используя негативный дискурс сталинизма, свела его к политике В.И. Ленина, тем самым, связав «зло» с главным деятелем «События-Истины». Другой пример – выступление на Съезде народных депутатов академика А.Д. Сахарова с требованием отмены 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС – чистый образец попытки смены институционализирующего дискурса.

Положение усугублялось расколом внутри правящей элиты – между Горбачёвым с «агрессивно-послушным большинством» (выражение народного депутата СССР историка Ю.Н. Афанасьева) и военно-промышленной верхушкой и, позднее, с политической фракцией, возглавляемой Б.Н. Ельциным

Традиционным для СССР дискурсом внешней политики со странами Запада было «соперничество и угроза», определявшим иногда коренные изменения в СССР⁷. М. Горбачёв произвел попытку смены дискурса

⁶ Если ее вообще возможно выделить в СССР в отрыве от политической элиты.

⁷ Такой трактовки придерживается, например, А. Ноув в анализе причин свертывания нэпа [21].

с «конфронтационного» на «дружественный», идя на уступки странам Запада, пытаясь выстроить равноправный диалог «союзников», тем самым оттолкнув от себя силовые структуры, предопределив, таким образом, попытку августовского путча 1991 г.

Дав возможность проявлять себя оппозиционным элементам, Горбачёв в итоге был вынужден уступить давлению ельцинского лагеря, опиравшегося в поздний период на неопатримониальные сети экономической элиты, которая, как уже упоминалось, стремилась к переделу собственности.

Таким образом, даже беглый анализ позволяет увидеть, что «неэмпирические» явления могут оказаться структурирующими. Советская система, строившаяся на монолитности и черпавшая свое обоснование из событий Октябрьской революции 1917 г., не могла быть изменена без потери своей сущности. Горбачёв задел «несущие стены здания СССР», потому система и не могла далее существовать в прежнем виде. Проблема заключается в том, как определить эти «несущие стены», пока они еще есть, а не постфактум. Вторая проблема – если и есть необходимость смены институционализирующего дискурса, может ли она пройти без коллапса государства?

Историческая макросоциология ищет причины событий и их связи, не особо уделяя внимание тому дискурсивному полю, благодаря которому эти события и становятся возможными. Обычно при анализе распада СССР упоминают, что люди уже не верили в советскую идеологию, однако, как мы старались показать с помощью использования теории систем Лумана, не это было главным, а то, что первый и последний президент СССР изменил те устои, благодаря которым режим до начала реформ 1987–1991 гг. казался многим нерушимым. Следующим этапом проверки «теории дискурса» должно стать ее органичное вплетение в существующие модели распада государств.

Библиографический список

1. Алексеев В.В., Нефёдов С.А. Гибель Советского Союза в контексте истории социализма // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6. С. 66–77.
2. Белоусов Р.А. *Экономическая история России. XX в. М., 2006.*
3. Безбородов А., Елисеева Н. и др. *Перестройка и крах СССР. 1985–1993.* СПб., 2010.
4. Берёзкин Ю.Е. *Империя инков.* М., 2014.
5. Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляции.* М., 2015.
6. Валлерстайн И. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире.* СПб., 2001.

7. Вдовин А. Причины распада Советского Союза в российской научной и публицистической литературе. К 20-летию русской трагедии 1991 года // Россия и соотечественники. Информационно-аналитический портал. URL: <http://www.russkie.org> (дата обращения: 04.04.2017).
8. Вселенский М.С. Номенклатура. М., 1991.
9. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007.
10. Де Болт Дж. У. Причины и следствия неудач модернизации в России // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 20–31.
11. Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе: эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М., 2010.
12. Жижек С. Чума фантазий. Харьков, 2012.
13. Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: Случай Советского коллапса // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 234–278.
14. Коллинз Р. Золотой век макроисторической социологии // Время мира. Альманах. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 72–89.
15. Лахман Р. Что такое историческая социология? М., 2015.
16. Луман Н. Введение в системную теорию. М., 2007.
17. Момот М. Прошлое империй и империи будущего // Прогнозис. 2006. № 3. С. 266–282.
18. Мур-мл. Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М., 2016.
19. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия / Сост. А.П. Ненароков и др. М., 1992.
20. Нефёдов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007.
21. Ноув А. О судьбах нэпа // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 172–176.
22. Розов Н.С. Познавательные средства теоретической истории и макросоциологии. Разработка и апробация метода теоретической истории. Новосибирск, 2001. С. 13–232.
23. Розов Н.С. Историческая макросоциология: становление, основные направления исследования и типы моделей // Общественные науки и современность. 2009. № 2. С. 151–161.
24. Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М., 2011.
25. Савченко А.Е. Эффективность государства в России в середине 1950-х – 2000-х гг.: фактор «нефтяного проклятия» // Политическая антропология традиционных и современных обществ: Материалы международной конференции. Владивосток, 2012. С. 356–365.
26. Семёнов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: теория и практика // Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М., 2014. С. 271–375.
27. Фроянов И.Я. Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). СПб., 1999.
28. Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. СПб., 2007.

29. Харитонов О.Г. Недемократические политические режимы // Политическая наука. 2012. № 3 (Политические режимы в XXI веке: Институциональная устойчивость и трансформации). С. 9–31.
30. Харрисон М. Стабильны ли командные системы? Почему потерпела крах советская экономика? // Экономическая история. Обзорение. 2001. № 6. С. 120–141.
31. Чешко С.В. СССР был болен или его «залечили»? (Попытка патологоанатомического анализа) // Мир России. 1995. № 1. С. 91–123.
32. Шафаревич И.Р. Социализм как мировое явление. Paris, 1977.
33. Шестаков В.А. Советский Союз к 1984 году // Перестройка и крах СССР. 1985–1993. СПб., 2010. С. 5–55.
34. Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. М., 2000.
35. A Global Model for Forecasting Political Instability / Goldstone J.A., Bates R., Epstein D. et al. // American Journal of Political Science. 2010. № 54. Pp. 190–208.
36. Breuer S. Soviet Communism and Weberian Sociology // Journal of Historical Sociology. 1992. Vol. 5. № 3. P. 267–290.
37. Dallin A. Causes of the Collapse of the USSR // Post-Soviet Affairs. 1992. № 4. Pp. 279–302.
38. Davies J. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. 1962. T. 27. Pp. 5–19.
39. Geddes B, Wright J., Frantz E. Autocratic breakdown and regime transitions: A new data set // Perspectives on Politics. 2014. № 12 (2). Pp. 313–331.
40. Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? // Annual review in political science. 1999. № 2. Pp. 115–144.
41. Greene K.F. The political economy of authoritarian single-party dominance // Comparative political studies. 2010. Vol. 43. № 7. Pp. 807–834.
42. Motyl A. Why Empires Reemerge: Imperial Collapse and Imperial Revival in Comparative Perspective // Comparative Politics. 1999. № 31. January. Pp. 127–145.
43. Skocpol T. States and Social Revolutions. NY., 1979.
44. Smith B. Life of the party: The origins of regime breakdown and persistence under single-party rule // World politics. 2005. Vol. 57. № 3. Pp. 421–451.
45. Tainter J. The Collapse of Complex Societies. Cambridge, 1988.
46. Tilly Ch. How empires end // After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires / Barkey K., von Hagen M. (eds.). Boulder; Oxford, 1997. Pp. 1–11.